

Денис Фонвизин

**Повествование мнимого
глухого и
немого**

Денис Фонвизин

**Повествование мнимого
глухого и немого**

«Public Domain»

1783

Фонвизин Д. И.

Повествование мнимого глухого и немого / Д. И. Фонвизин —
«Public Domain», 1783

Из письма Фонвизина П. И. Панину от августа 1778 года (из Парижа) мы узнаем, какое огромное впечатление произвела на него «Исповедь» Руссо. Стремление Руссо изображать без «малейшего притворства всю свою душу», «обнаружить сердце свое» оказалось близким и Фонвизину. «Повествование» – первый опыт в «познании человека». Писатель открыто заявляет, что он нашел «ключ» «к совершенной человеческой внутренности».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Денис Иванович Фонвизин

Повествование мнимого глухого и немого¹

Отец мой, добродетельнейший из смертных, коего потерю я оплакивать не престану, претерпев в течение службы своей многие обиды, досады и несправедливости, от сродственников же, друзей и покровителей также быв обманут, предан и наконец оставлен, вел большую часть последних своих дней в уединении; и как из благотворительной его души исторгнуть не могли любви его к человеческому роду, то обратилось его внимание на нас (как он называл), рожденных своих друзей. Несчастливые, однако, и притесненные от него помощь получали, и сердце его всегда отверсто было с отменною жалостию разделять их печаль. Философия же его была ни высокопарна, ни надменна, с кротостию сносил переменчивость судьбы, с снисхождением смотрел на недостатки человеческие. Несправедливость и коварство, устремленные противу него, не могли из него извлечь роптания, ни освиредить его душу, но оставили только единое в сердце его впечатленное отвращение от большего света и от уз, кои, как он думал, налагает с собою служба. (Сие его предрассуждение осудило меня к странному моему жребию.) Отец мой имел редкое счастье получить в сотоварищество свое женщину разумную, благонравную, добродетельную и скромную. Достойная сия чета ощущала взаимную горячность и была столь счастлива, сколько участь человеческая счастья совмещать может. Упражнение их было нас наставлять и направлять сердца и умы наши к добродетели и человеколюбию. Дни их благополучно и спокойно протекали; но как все преходчиво и переменно на сем свете, смерть лишила отца моего любезнейшей ему супруги, а нас беспримерной матери.

Братья мои уже были в службе, я один, младший из всех, имел еще нужду в родительском призрении, и как я более прочих на покойную свою мать лицом походил, то по сим двум причинам отец мой с большею горячностью ко мне прилепился: он меня ни на час от себя не отпускал, занимался единственно мною, не пропускал ни одного случая, ни одного слова или вещи, чтоб применения, к нравованию моему служащего, из них не сделать, – словом, я был первый предмет для него в жизни. В некоторое время заметил я, что родитель мой в задумчивости несколько дней проводил, грустил и особенное, терзающее дух его изъявлял смущение; мне казалось, что будто бы он боролся сам с собою, когда сердце его к нежным ласкам противу меня его возбуждало. Я любил его страстно, доверенность между нами была неограниченна. Кинувшись в его объятия со слезами, просил его открыть мне тайну, к каковому сердцу его в рассуждении меня казалось непривычно, и сказать мне причину, кая могла столь сильно встревожить дух его и разрушить то счастливое и приятное спокойствие, коим он прежде наслаждался. После великого волнения, рыдания и слез он мне сказал то, что и доднесь в памяти моей живо мне представляется. «Ты молод, мой друг, – говорил он, – а совесть моя решить не могла сомнения, коим я, как ты заметил, обременен; ты молод и выбора основательного сделать не можешь, а я права родительские сокращаю в гораздо теснейшие пределы, нежели им обыкновенно полагают. Я не имею права избирать за тебя участи, кою ты на весь твой век предашь, тем наиначе, что она не обыкновенна и с собою нанесет великие затруднения и некоторые жертвы. С другой стороны, я испытал, что обращение светское и служба за собою влечет предательство, ухищрения, зависть, злоключения и самое умерщвление духа, почему главное мое желание есть сообразить, если то возможно, для тебя удаление от света и познание оногo. Я бы желал, чтобы ты спознал сердца человеческие, не быв, однако, подверженным их злоухищрению, чтоб ты наслаждался всея благом, которое смертному вкушать определено, и, сохранив сердце непорочным, не имел оногo растерзанным и израненным от стрел, нередко в руках сильных к поражению добродетели изготовленных. Но я не знаю, как мне открыть тот план, который мне представляется и коим объят весь мой разум. Вседневно примечаю я истощение сил моих, конец мой приближается, и воображение мучительное меня

снедает, что тебя оставлю в сем море, волнующемся беспрестанно, на горизонте коего пороки и беззакония только видимы, а добродетель, волнами биющаяся, без пристанища оным противоборствующая, наконец бездной поглощена бывает. Сие-то воображение меня более смущает, нежели пресечение дней моих мне прискорбие нанести может». Тут дражайший мой родитель в безмолвную грусть предался, но слезы, ласки и просьба моя его яко от сна пробудили: он наконец, обняв меня с несказанною горячностью, посадил возле себя и, как будто для вящего убеждения руки мои своими сжимая, начал таким образом:

«Ты не можешь, друг мой, себе представить, каким досадам и огорчениям честный человек в службе подвергается. Я хочу тебя независимым сделать, и для того, если ты чувствуешь в себе довольно твердости, чтоб лишиться слабого, но нередко вредного нам удовольствия говорить с людьми, то притворись больным на несколько дней; потом скажем мы домашним нашим, что ты от оной болезни стал глух и нем, чрез что ты не будешь обвиняем в том, что не служишь. Людские же мысли и самые сокровенные чувства тебе будут обнажаемы. Честана, к коей я горячность твою примечаю, быв воспитана матерью твоею, всеми добродетелями одаренная, к тебе так привязана, что, конечно, не умалит своей к тебе любви и чрез несколько лет будет твоею женою. Скрыв от нее нашу тайну, ты тем самым испытаешь ее любовь, и я нимало не сомневаюсь, что ты будешь иметь удовольствие увериться в искренности ее к тебе горячности, а добродетель и рассудок ее с новым и большим блеском окажется. От нее должны мы необходимо скрывать тайну свою».

Я на предложение родителя моего согласился тем охотнее, что я вкорененное имел любопытство знать внутренность сердец человеческих, и как страсть безмерная, с коею я Честану любил, казалось мне, не равным жаром ею награждалась, я желал узнать истину. Но здесь прерву на час мое повествование, чтоб не держать вас долее в неизвестности о девице, душа и разум коей достойны почтения от самой добродетели. Честана осталась двух лет, когда злодейскими руками отец и мать ее лишились жизни; достаток их был весь разграблен, и она тогда, как божием провидением, быв с кормилицею в поле, тем только жизнь сохранила.

Кормилица ее несколько дней по лесам с нею скрывалась и потом принесла ее к родителям моим. От усталости и глада успев только рассказать матери моей несчастное с господами ее приключение и положила невинную Честану к ногам родителей моих, испустила дух свой, благодаря всевышнего, что дражайший ей младенец спасен. С тех пор родители мои Честану с нами не рознили, ее сестрою почитать и называть приказали. Она была моих лет. С того самого времени мы друг друга начали любить и неразлучны были. Одни вкусы, одни игры – одним словом, единая душа, казалось, Честану и меня оживляла.

На другой день разговора моего с родителем моим я притворился больным, постеля моя перенеслась в его комнату, и после десятидневной притворной горячки родитель мой объявил Честане и всем домашним с изъявлением великой горести, что я болезнию лишен слуха и языка. Печаль и поражение, кое Честана при том изъявила, едва не поколебали меня к открытию ей моей тайны, но я удержан был почтением и любовью своею к отцу, которого боялся тем огорчить. Способом пера или карандаша мы с нею мысли свои друг другу сообщали, скоро и знаки выдумали, коими еще поспешнее изъяснялись. Мне казалось, что она от жалости еще более горячности ко мне чувствовать и показывать стала, и я себя счастливейшим из смертных почитал. По вечерам, когда я с родителем один оставался, тогда замыкали двери но только спальни нашей, но и боковых от нее комнат, и тогда-то я с батюшкой говаривал, и мы сообщали друг другу слышанное и примеченное нами в течение дня. Несколько месяцев спустя поехал я один с отцом моим по разным губерниям пространного нашего отечества. Возвратясь домой после испытания верности и благонравия прелестной Честаны, родитель мой увенчал нашу страсть, и несколько лет после совершения нашего брака мы поехали опять по России, и тогда только с дозволения родительского открыл я верной моей супруге и другу, что я не лишен ни слуха, ни языка. Привычка, кою я сделал столько лет ни с кем, кроме их двух, не

говорить, так вкоренилась, что, лишившись несколько лет по том родителя своего, хотя я был уже свободен перестать скрываться, но я того не сделал и по смерти сохранию звание глухого и немого, в коем качестве я так известен, что трактирщик, готовясь обмануть ожидаемых им гостей, кокетка, проводящая своих любовников, придворный, ухищрениями дышащий, подъячий, алчный ко взяткам, дитя шелливое и страшившееся своего вожатого, – словом, никто меня не остерегается, все предо мною обнаженные предстоят, и когда я в клуб или на гулянье приду, то слышу, что робята вскричат: «Вот глухой-то и немой», а отцы и матери их с некоторым оказанием сожаления говорят: «Он, бедняга, никому и ничему не помеха». Оттого-то я к сокровенной человеческой внутренности имею ключ. Приехав домой, сообщаю товарищу своему и другу слышанное мною, а она то записывает. Здесь приобщаю записки моего первого путешествия, окончившегося в 1762 году. Вы увидите в них совсем другой слог, нежели в моем повествовании. Здесь следовал я моему сердечному чувству, а там иногда веселому, иногда сердитому духу, в какой разные встречи меня приводили. Во всех моих записках не найдете вы ничего, или весьма мало, касающегося до политических, исторических, нравоучительных и прочих сведений. Мое дело было познавать людей и познавать человека. Ежели вы, господа мои, напечатаете их в «Собеседнике», то и следующие вам сообщать стану; пребывая навсегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.